Отечественная философия
2026. Т. 4. № 2. С. 72–84
УДК 1(091)

National Philosophy
2026, Vol. 4, No. 2, pp. 72–84
DOI: 10.21146/2949-3102-2026-4-2-72-84

MEMORIA

А.И. Вакулинская, Н.И. Герасимов,
О.И. Кусенко, М.В. Шпаковский

Вспоминая профессора М.А. Маслина

Вакулинская Александра Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Герасимов Николай Игоревич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Кусенко Ольга Игоревна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: isafi137@gmail.com

Шпаковский Михаил Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: shpakomih@mail.ru

Под одним заголовком собраны воспоминания о заведующем кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессоре, докторе философских наук Михаиле Александровиче Маслине (1947–2025), написанные выпускниками кафедры, а в настоящее время научными сотрудниками Института философии РАН А.И. Вакулинской, Н.И. Герасимовым, О.И. Кусенко и М.В. Шпаковским. Ученики Михаила Александровича вспоминают о начале своего научного пути под чутким и умелым руководством М.А. Маслина, о первой встрече со своим учителем и проводником в мир отечественной философии; они делятся сохранившимися в их памяти моментами и событиями, связанными с профессором Маслиным, подчёркивают роль научного наставника в их научной судьбе и карьере и оценивают его вклад в исследование русской мысли. Все авторы отмечают личные и профессиональные качества Михаила Александровича – чуткость и внимательность, терпимость и тактичность, опытность и эрудированность, доброту. Они согласны в том, что для М.А. Маслина русская философия была принципиально «разнолика», она представляла собой «единство в многообразии» и включала как религиозную философию, так и народничество, позитивизм, марксизм, анархизм и др., и потому спектр тем, которые разрабатывались на кафедре истории русской философии, весьма широк. Под его руководством можно было заниматься «всем»: его ученики-аспиранты защитили свои диссертационные работы на самые разные темы – в том числе касающиеся творчества И.А. Ильина, П.А. Кропоткина, итальянской историографии русской философии, древнерусской мысли и др.

© Вакулинская А.И., 2026
© Герасимов Н.И., 2026
© Кусенко О.И., 2026
© Шпаковский М.В., 2026

Ключевые слова: М.А. Маслин, история русской философии, историография русской философии, «Разноликость и единство русской философии», «единство в многообразии», философский факультет МГУ

Для цитирования: *Вакулинская А.И., Герасимов Н.И., Кусенко О.И., Шпаковский М.В.* Вспоминая профессора М.А. Маслина // Отечественная философия. 2026. Т. 4. № 2. С. 72–84.

* * *

Михаил Александрович Маслин был моим научным руководителем и первым проводником в мир исследования русской мысли с позиций историка философии. Чтобы лучше продемонстрировать, что это значило (в первую очередь для меня), укажу на то, что осенью 2016 г. после завершения первого года аспирантуры социологического факультета МГУ, мне удалось совершить «бесшовный», т.е. без потери года, переход на философский факультет. Он стал возможен благодаря предварительному согласию Михаила Александровича принять меня на кафедру истории русской философии. Несмотря на то, что история теории социологии – один из ключевых предметов на социологическом факультете, навыки источниковедческого и историографического анализа социологами не осваиваются, в отличие от навыков проведения эмпирических исследований. Решение взять на кафедру совершенно «нулевого» аспиранта, который хотя что-то и знал о русской философии, но тем не менее должен был за два года успеть выполнить все предъявляемые к нему требования, было с формальной точки зрения как минимум рискованным предприятием. Но риск – дело благородное, и, если бы не ряд «случайностей», защита диссертации могла бы пройти в тот же год, когда была завершена аспирантура.

Переход на философский факультет был для меня делом скорее «антипозитивистским» и «идейным», чем целесообразным, и каких-то конкретных предпочтений по теме будущего диссертационного исследования не имелось. Хотя, наверное, это не совсем так.

Те, кто когда-то писали квалификационные и научные работы на кафедре истории русской философии, знают: Михаил Александрович периодически повторял как присказку, что практически каждый второй, приходящий на кафедру, хотел бы писать работу, посвящённую Ф.М. Достоевскому. Накануне нашей первой встречи в июне, когда меня пригласили посетить заседание кафедры, включающее в повестку дня аттестацию аспирантов, я распечатала «Речь о Пушкине» Достоевского, которую расценивала как предполагаемую тему исследования. Однако тогда мне впервые довелось услышать упомянутую выше присказку Михаила Александровича. Мой вопрос насчёт темы отпал сам собой. Его же позиция как заведующего заключалась в том, что писать нужно обо всех (особенно о тех, о ком написано: ничего, мало или малосодержательно), а не только о какой-то всем известной когорте русских философов. Думаю, что именно по этой причине спектр тем диссертаций, которые защищались на кафедре истории русской философии, достаточно широк.

Несмотря на отсутствие базовых навыков историко-философской работы, мне было предложено на выбор заняться философией культуры или же философией права И.А. Ильина с привлечением материалов из архивного фонда мыслителя, хранящегося в Научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова. В тот период как раз проходили работы по оцифровке фонда, и на факультете предполагали, что может потребоваться помощь профессиональных исследователей русской философии в деле обработки архива. Но как-то не сложилось. Хотя, по словам Михаила Александровича, ректор Университета неоднократно напоминал администрации философского факультета о том, что неплохо было бы подготовить труд на базе архива философа.

Тогда мой выбор пал на философию права Ильина – область философской мысли, которая и по настоящий день продолжает меня интересовать. Помню, как в рамках одной из «встреч с научным руководителем» я решила поделиться некоторыми результатами своего погружения в тему исследования и мыслями о том, в каком ключе планирую развивать свое диссертационное исследование. Уже через пару минут Михаилом Александровичем была собрана стопка книг по озвученной мной тематике, составленная из «кафедральной библиотеки», и заранее захваченных для меня изданий из его собственных книг. Так что в общежитие мне пришлось возвращаться с целым ворохом литературы, оказавшейся весьма полезной для диссертации. Некоторые книги по философии права так и остались у меня.

Михаил Александрович всегда следил за книжными новинками, новостями, событиями из мира исследований русской философии, своевременно оповещал сам лично или же просил лаборанта кафедры сделать рассылку с информацией о мероприятии соответствующего «профиля» для студентов и аспирантов. В итоге под чутким руководством Михаила Александровича, при его умении сориентировать в «научном пространстве», внимательном отношении к чтению текста диссертации моя работа состоялась. И думаю, что не только моя.

Несмотря на значительную разницу в возрасте и статусе, никогда во время общения с Михаилом Александровичем у меня не возникало впечатления, что со мной говорят «свысока». Доброжелательность, простота и открытость в диалоге с далеко не единственным «подопечным» были постоянными спутниками специальных и случайных встреч на факультете. Помню, как ещё до своего длительного больничного лечения в 2024 г. он высказывал мысль о планах оставить должность заведующего кафедрой. Упоминая про это своё желание, Михаил Александрович говорил, что возглавляет кафедру с 1992 г. Когда же я упомянула, что это год моего рождения, он заключил: «Видишь, какой я старый».

Вспоминается также наш диалог, проходивший в рамках чаепития после круглого стола, посвящённого 100-летию выхода сборника «Из глубины», когда речь зашла о немногочисленности студентов и аспирантов, «прикреплённых» к кафедре истории русской философии. Тогда Михаил Александрович произнёс достаточно интересную фразу, которую воспроизвожу приблизительно: «У нас на кафедре аспирантов немного. Как известно, львица даёт немногочисленное потомство. Но уж когда она родит, то обязательно льва».

Безразличие властных структур к философии и, в частности, к русской философии в современной России, имевшее место до определённых событий, вызывало у Михаила Александровича досаду. Кроме узкого круга специалистов, русская философия, действительно, мало кому была нужна. Стихийное обращение к русской мысли последних лет вряд ли можно квалифицировать как пробудившуюся ото сна жажду самопознания. Упомянутая апелляция к русской философии скорее похожа на то, что под благовидным предлогом ведутся поиски аргументов «из прошлого» для оправдания каких-то современных решений. Безусловно, нет худа без добра, и, кажется, что для преподавателей, исследователей русской философии наступили неплохие времена (не утихающие медийные дискуссии всё же косвенно провоцируют появление интереса к философскому наследию России). На фоне таких изменений внезапный уход Михаила Александровича особенно драматичен.

Наверное, среди главных проектов, помимо руководства кафедрой, составлениям учебных пособий, стоит упомянуть энциклопедию «Русская философия», подготовленную под редакцией Михаила Александровича и неоднократно переиздававшуюся с дополнениями. Как мне кажется, эта энциклопедия представляет собой «живой проект», в некотором роде подтверждающий жизнеспособность русской мысли, наличие интереса к ней в России и за рубежом. Первое издание энциклопедии, опубликованное в 2007 г., было впоследствии переведено на сербский

и французский языки. Именно сербское слово «разноликость», замеченное Михаилом Александровичем, впоследствии заменило слово «многообразие» из определения русской философии как «единства в многообразии».

Михаил Александрович по праву давно был занесён в число исследователей-классиков русской философии. Помню, как однажды на факультете он мне с затаённой улыбкой показывал страницы книги выпускника нашей кафедры, где фотография М.А. Маслина соседствовала с портретом В.Ф. Эрна (в своё время занимавшегося обоснованием своеобразия русской философии). Конечно, он это делал не с целью похвастаться, а скорее продемонстрировать такое интересное соседство.

Энциклопедичность знаний, прекрасная память, совестливость, научная честность, чудесное чувство юмора, которые сочетались при этом с «индивидуализированным вниманием» к собеседнику – все эти качества невероятно подкупали, становились неким ориентиром того, как должен вести себя настоящий учёный. Помимо профессионализма стоит отметить достаточно редкое на сегодняшний день качество, которым обладал Михаил Александрович, – это человечность, добропорядочность. Помню, как он сетовал на то, что лишь один раз в жизни написал отрицательный «внешний отзыв», и это обернулось для него бюрократической волокитой. Михаил Александрович сам был добросовестным человеком, и эту добросовестность он ценил в других. Немаловажным для него было сохранение нравственной справедливости, соблюдение моральной чистоты. При этом судьба России никогда не была ему безразлична, и он всегда достаточно внимательно следил за текущей повесткой. Безусловно, у Михаила Александровича имелась собственная позиция, она была неплохо знакома многим его ученикам, но как грамотный руководитель, умудрённый жизненным опытом человек, он придерживался стратегии «золотой середины», купируя конфликтные ситуации ещё на этапе их зарождения. В профессиональных же дискуссиях, затрагивающих его исследовательскую позицию, он умело стоял на своём.

Как-то в «Доме Лосева» аспирантами нашей кафедры была организована небольшая конференция, на которую мы пригласили сказать приветственное слово М.А. Маслина и А.И. Болдырева. Тогда мне пришлось быть свидетелем того, с каким азартом Михаил Александрович готов был обсуждать подвергнутый сомнению критиком «из зала» ранее высказанный им тезис – вскоре после вступительного слова он вместе с критиком удалился «в кулуары».

К примечательным событиям прошлого можно отнести презентацию монографии Михаила Александровича «Разноликость и единство русской философии» (2017), проходившую на философском факультете МГУ. В данном мероприятии приняли участие многие историки отечественной мысли, но самым запоминающимся было выступление А.А. Ермичёва, который решил, оставаясь верным своему собственному стилю, сразу же высказать несколько критических замечаний автору монографии. С большим интересом я ждала ответа Михаила Александровича, который впоследствии навсегда сохранился в моей памяти. Он парировал: «Полное согласие может быть только на кладбище, но никак не на поле историографии русской философии». Помнится, что даже на вручении Ломоносовской премии (I степени), которое проходило на Татьянин день в 2018 г. в актовом зале главного здания МГУ, выступая с речью от лица лауреатов, Михаил Александрович, несмотря на определённый официоз этого мероприятия, нашёл возможность ввернуть небольшой юмористический пассаж.

В наше время, когда всё чаще и чаще некоторым русским мыслителям пытаются пририсовать чуть ли не нимб, а других заклеймить и отправить в исторический утиль, выбранный и продвигаемый Михаилом Александровичем научный подход внимательного изучения всего многообразия концепций русской философии остаётся, по крайней мере, лично для меня, весьма верным отражением путей развития

русской мысли. В последнее время он делился своими планами по возвращению к анализу представителей левой мысли, кого-то из плеяды поднадоевших за советское время революционных демократов, народников.

Интересно, что из всех русских философов Михаил Александрович особо выделял творчество В.В. Розанова, которое он высоко ценил прежде всего за прекрасный язык розановского эпистолярия. Он периодически высказывал мысль о том, что современный человек как будто разучился письменно излагать свои мысли, потому что практически никто больше не пишет писем от руки. При этом сам Михаил Александрович состоял в почтовой переписке с польским историком русской философии Анджеем Валицким (учеником С.И. Гессена), который изначально даже присылал ему написанные каллиграфическим почерком и по-русски письма. Помнится, что Михаил Александрович хотел, чтобы до смерти уже немолодого Валицкого, у которого «напрямую» можно было бы уточнить все возникающие вопросы, на кафедре была подготовлена диссертация, посвящённая трудам польского исследователя, но, к сожалению, данная задумка так и не была реализована.

Кстати, акцентируя внимание на том, что ежегодная международная конференция по русской философии проходила раньше всегда в Кракове, Михаил Александрович с некоторым изумлением периодически повторял: «Конференция по русской философии проходит в самой русофобской стране!» Думаю, этим он хотел подчеркнуть, что русская мысль, её исследование способны объединять людей и преодолевать формальные преграды.

Михаил Александрович ушёл из жизни 20 июня – в день, когда исполнилось 145 лет с произнесения знаменитой Пушкинской речи Ф.М. Достоевского. Есть что-то провиденциальное в таком стечении обстоятельств. Сам он, безусловно, любил Россию, русскую культуру, но никогда не впадал в националистические крайности. Его восприятие русской философии как «единства в многообразии», открытость и внимательность к культуре тех стран, где ему доводилось быть, как мне кажется, вполне созвучна той «всечеловечности», о которой упоминал Достоевский в своей речи 1880 г.

За небольшое время моей научно-педагогической работы неоднократно приходилось прибегать к советам Михаила Александровича, с которым мы продолжали поддерживать добрые отношения. После защиты ему не была безразлична моя профессиональная судьба, и первое время он всячески пытался продумать возможности трудоустройства «по специальности». А в период бурления медиаресурсов на тему И.А. Ильина в 2023 г. при нашем телефонном разговоре он поинтересовался насчёт обоснованности выдвинутых обвинений, предъявляемых к философу, и я делилась с ним уже полученными в результате работы с архивами фактами интеллектуальной биографии мыслителя. Последний раз мы виделись с Михаилом Александровичем в середине мая 2025 г. Тогда я посетовала на студентку, отказавшуюся на экзамене отвечать на вопрос билета, в котором упоминалась диссертация Ивана Ильина о Гегеле, мотивировавшую свой отказ тем, что она от кого-то слышала, что философ якобы был сторонником крайне правых политических взглядов. Михаил Александрович дал весьма лаконичную и чёткую характеристику такому типу интеллектуальной ограниченности.

Жаль терять своих учителей, но в знак памяти можно лишь не дать пропасть начатым ими трудам на ниве исследования русской мысли.

Помню, как, ознакомившись с текстом моей «научно-квалификационной работы», Михаил Александрович сообщил мне радостную весть о том, что «работа удалась», но добавил, что написана она «немного коряво». Думаю, если бы он мог прочесть этот текст, то сказал бы что-нибудь в таком же духе. Хотя хочется верить, что что-то с тех пор изменилось.

Александра Вакулинская

* * *

Моё первое впечатление о Михаила Александровиче Маслине было таким: спокойный, жизнелюбивый, деликатный, мягкий, остроумный, скромный, эрудированный, с талантом к «мягкой дипломатии». В 2007 г. я впервые выступал на «Ломоносовских чтениях». Второй курс философского факультета МГУ. Михаил Александрович модерировал работу нашей секции. Светлана Владимировна Шлейтере, мой научный руководитель (со второго по пятый курс), предложила мне специализироваться по русской философии. «У нас можно изучать вообще всё», – сказала она. Когда зашла речь о «распределении», я поверил в это самое «всё». Но я тогда ещё не знал, что это «всё» настолько большое, что заведующий нашей кафедры действительно сможет стать моим наставником в работе, связанной с философией и историей анархизма. «Всё» может быть чем угодно. Я думал, что «всё» – все вариации русской религиозной мысли, не более, но и не менее.

В тот день я слушал выступления про Чаадаева, Булгакова, Флоренского, Розанова… Глаза мои были опущены, я нервно изучал свои тезисы «Николай Бердяев и немецкие мистики». Уже третий час. В какой-то момент мы встретились с Михаилом Александровичем глазами. Он кивнул мне «скоро-скоро». Что поразило меня тогда? Михаил Александрович никогда не оставлял студента или аспиранта в одиночестве – если докладчик не мог подобрать слова для ответа на вопрос, то на помощь заведующий кафедрой приходил очень быстро. Наводящими вопросами в тот день он несколько раз выводил из-под удара критики многих: и совсем молодых, и тех, кто уже учился в аспирантуре. Надо признать, выступающего Михаил Александрович как будто действительно «чувствовал». Например, когда очередь дошла до меня, я сильно разволновался. В конце моего короткого выступления мне задали несколько вопросов о том, как Николай Бердяев различает мистицизм и оккультизм. Возможно, если бы у меня было больше времени, я бы смог подобрать нужные слова, но времени не было. Михаил Александрович всем телом развернулся ко мне: «Бердяев же всегда все по-разному интерпретировал, да? Тут вопрос в том, о каком периоде его творчества мы говорим, согласны?». Я ответил невразумительное «Угу». Кто-то далеко (задние ряды нашей аудитории) слегка на выкрик произнёс: «Справедливо!». Спустя несколько секунд уже сам зал отвечал на вопрос, который мне задали. Началась дискуссия. Михаил Александрович снова повернулся ко мне и шёпотом произнес: «Хорошо». На ватных ногах я вернулся на своё место. Светлана Владимировна бодро сказала: «А ты боялся! Помни, что на других кафедрах такого не бывает. Могут и “затоптать”».

Сколько впереди было круглых столов, разных секций – везде Михаил Александрович понижал эмоциональный градус полемики до необходимого уровня, и спор превращался в милую беседу. В целом кафедра истории русской философии, пожалуй, была самой бесконфликтной на всём факультете. Я понимал, что во многом это было обусловлено личным и профессиональным влиянием Михаила Александровича. Я слышал, как на других кафедрах происходили самые настоящие драмы. У нас такого не было.

На третьем курсе я объявил, что буду заниматься творчеством Петра Кропоткина. На заседании кафедры, помню, воцарилась тишина. Несмотря на то что Светлана Владимировна подтвердила, что будет моим научным руководителем и дальше. Тишина, впрочем, была недолгой. Михаил Александрович сказал: «Правда, а почему у нас столько религиозной философии? Раньше у нас был уклон в народничество и русский марксизм, а потом с 1990-х гг. все стали заниматься Соловьёвым, Флоренским… Не должно быть так! Не должно быть, чтобы или одни, или другие. Как будто тут какое-то противоречие! Нет, и народники, и философия всеединства, и марксизм… да и анархизм – всё это русская философия!»

Когда я поступал в аспирантуру, возникла проблема – по ряду бюрократических и юридических аспектов Светлана Владимировна Шлейтере не могла быть моим научным руководителем дальше. Помню, мы думали, что делать. И решили, что нужно идти к Михаилу Александровичу. Выслушав нас, он сделал глубокий вдох и произнёс: «Так нет никаких проблем. Давайте я буду». С этого момента я стал работать над кандидатской диссертацией под его руководством. Я знал, что область научных интересов Михаила Александровича почти не затрагивала творческое наследие Кропоткина, но мы договорились, что я буду отчитываться, что прочитал, что понял и т.д. Мы созванивались поздними вечерами. Я рассказывал о том, как идёт моя работа над изучением архивных документов. Михаил Александрович повторял: «Ты только не забывай, рассказывай мне про Кропоткина побольше. Я тоже буду читать!» Если бы не открытость и смелость его – наверняка мою тему бы никто не утвердил, и моя мечта изучать философские идеи князя-анархиста не воплотилась бы в жизнь. Михаил Александрович доверял своим аспирантам. Верил в них. Не только в меня. Я знаю, что такие же аспиранты со своими темами, которых никто не хотел «брать на себя», – все так или иначе писали свои работы под руководством мягкого, деликатного и, наверное, самого доброго профессора кафедры истории русской философии. Слова Светланы Владимировны «у нас можно изучать вообще всё» действительно были правдой. Правдой они были потому, что с нами был Михаил Александрович Маслин, всегда настаивавший, что русская философия многообразна и «многолика».

Защита кандидатской проходила максимально нервно. Накануне, буквально за сутки до часа «икс», Михаила Александровича отвезли на «скорой» в больницу. Сердечный приступ. Считается, что присутствие научного руководителя на защите диссертации – это своеобразное «защитное силовое поле» от шквала критических замечаний. 9 декабря 2013 г. в спутанных чувствах я подходил к зданию Шуваловского корпуса. Когда мы познакомились с Михаилом Александровичем, мне было 19 лет. К моменту защиты кандидатской мне было 26 лет. Целая эпоха для молодого учёного. Я много раз представлял себе, как пройдёт моя защита. Но именно такой картины в моих прогнозах не было. Я привык к спокойным беседам с Михаилом Александровичем. Я привык, что в моей жизни есть человек, который всегда рядом, когда я начинаю волноваться (начиная с того дня на «Ломоносовских чтениях»). Мощный, излучающий спокойствие и уверенность, он боролся за жизнь. Я чувствовал себя бесконечно одиноким и беспомощным. Я волновался о том, как пройдёт защита диссертации, и за здоровье Михаила Александровича.

Однако всё прошло хорошо. Талант научного руководителя, видимо, заключается в том, чтобы подготовить аспиранта ко всем возможным сценариям будущего. Пока секретарь занимался привычными делами, пока члены диссертационного совета наполняли аудиторию, я решил вспомнить всё-всё, о чём мы говорили с Михаилом Александровичем. Кажется, я смог вспомнить вообще все наши беседы. Я выписал в блокнот короткие тезисы, вычленяя их из памяти, дополняя уже то, что было приготовлено. Сильные и слабые стороны темы, то, как их стоит «защитить», как отвечать на вопросы, как аргументировать актуальность темы, как рассказать о своей работе увлекательно и коротко, как сделать так, чтобы диссертационный совет был убеждён, что работа хорошая.

Я защитил диссертацию. Помню, спустя два или три часа после решения совета вошёл на кафедру. Посмотрел на пустое кресло. Михаила Александровича не было. Автоматически сел на стул рядом. Не помню, кто вошёл первым, но достаточно скоро мне сообщили, что состояние здоровья моего научного руководителя стабильно. Спустя минут пятнадцать в помещение вошёл профессор Алексей Терентьевич Павлов (1929–2018). Он слегка хлопнул в ладоши и сказал: «Вот это защита! Молодцы!». Глазами скосил в сторону кресла и ободряюще кивнул.

Спустя полгода, кажется, Михаил Александрович позвал меня на круглый стол по истории освободительного движения в России. Это было первое научное мероприятие, где мы участвовали уже как равноправные коллеги. Всё тогда казалось магией. К тому времени я уже сделал несколько самостоятельных исследовательских шагов. Очень хотелось показать Михаилу Александровичу, что он не зря потратил на меня своё время, силы и, возможно, здоровье. Выступал с докладом «Анархо-гуманизм А.А. Борового в контексте освободительного движения в России». Отчётливо помню, что я старался говорить уверенно, тут и там ссылаясь на свой опыт работы в разных архивах. Ждал одобрения со стороны Михаила Александровича. Он совершенно спокойно послушал мой доклад и ничего не спросил. Я искал его глаза. Хотелось узнать, спросить: «Ну как?». После моего доклада выступал кто-то ещё. Были вопросы. Дискуссии. Всё как обычно бывает на такого рода мероприятиях. Как будто ничего не случилось. Как будто той защиты диссертации не было, как будто не было сердечного приступа, как будто не было наших телефонных разговоров. Жизнь шла сама собой дальше. Когда все стали расходиться, Михаил Александрович как-то буднично сказал мне, что, наверное, материалы круглого стола публиковать не будут, что все выступили хорошо и что он рад меня видеть. Будничность его рукопожатия в тот день, стоит признать, произвела на меня педагогический эффект. С этого момента академическая жизнь стала чем-то повседневным. Наверное, это важно – когда молодой учёный погружается в мир исследований без ощущения магии, без чувства драмы (будто кто-то внимательно следит за тобой и внимательно записывает подробности твоих успехов и неудач).

В 2017 г. у Михаила Александровича вышла книга «Разноликость и единство русской философии». Пафос этой монографии очень чётко соответствовал тому, что я услышал на третьем курсе, когда заявил, что буду заниматься творчеством Петра Кропоткина. В книге с одинаковой теплотой рассказывалось и об И.А. Ильине, и о Д.И. Писареве, и о религиозной философии, и о русском позитивизме. Эта любовь к русской философии в её многообразии – то, что Михаил Александрович хотел привить своим студентам и аспирантам. Хочется надеяться, что и в дальнейшем его ученики будут передавать, как по эстафете, эту любовь новым молодым учёным, которые только-только открывают для себя мир русской мысли.

Николай Герасимов

* * *

Перед глазами – большой письменный стол на кафедре истории русской философии философского факультета МГУ, за которым приветливый и бодрый Михаил Александрович, всегда готовый помочь мудрым советом и согреть своей добротой. «Оля, здравствуй! Я уже дома, после операции: поставили два стента в коронарные сосуды. Операция прошла хорошо, самочувствие бодрое. Сегодня провожу дисс. совет, а в пятницу буду на учёном совете факультета. Если есть вопросы, подходи или звони. М.А.», – его электронное письмо 24 декабря 2013 г. Как бы мне хотелось сейчас перенестись в ту пятницу 27 декабря, когда мы с ним на кафедре обсуждали первый, совсем ещё сырой вариант моей кандидатской диссертации по итальянской историографии русской философии, как бы мне хотелось ещё раз услышать его спокойные и уверенные замечания, его подбадривающие предложения, а наряду со всем этим ещё и тактично встроенные в канву научной беседы ценные жизненные советы. Но, главное, как бы хотелось о многом его подробнее расспросить: в моём уме всплывают десятки наших разговоров, обрывков фраз, недосказанных или прерванных спешкой мыслей о нём, о его собственном полувековом пути в русской философии. Неутомимый Михаил Александрович – учёный, преподаватель,

научный руководитель, заведующий кафедрой и преданный служитель русской философии. На самом деле, конечно, не только русской, а философии вообще. Михаил Александрович любил по этому поводу цитировать первые строки работы «Вечное в русской философии» Б.П. Вышеславцева: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения»[1].

Однако именно русская философия с её «особым подходом к мировым философским проблемам» стала судьбой Михаила Александровича. И он стал её судьбой. То земное время, что было отведено большому сердцу Михаила Александровича, они прошли вместе, и это был благословенный путь.

Русская философия досталась Михаилу Александровичу по наследству. Его отец, Маслин Александр Никифорович (18.09(1.10).1906, с. Кувакино Симбирской губ. – 30.11.1970, Москва) – философ, специалист по истории русской философии, преподаватель МГУ, заместитель директора Института философии АН СССР, – незадолго до своей кончины завещал сыну, готовящемуся специализироваться в области западной мысли, держаться именно отечественной философии. Так, послушный воле отца, Михаил Александрович в 1970 г. оказался в числе аспирантов кафедры истории философии народов СССР. Для своей аспирантской работы он выбрал пограничную тему «Идеология русского революционного народничества в современной англо-американской историографии», уехал на стажировку в Англию, где, работая в библиотеках, собрал много редкого интересного материала. После защиты кандидатской диссертации в 1973 г. Михаил Александрович продолжил заниматься западной историографией русской мысли. В 1981 г. он провёл четыре месяца на стажировке в США, в университете штата Огайо, занимаясь изучением зарубежной историографии русского народничества, преподавал студентам, а также завёл знакомства среди западных историков русской мысли. Вероятно, эта многолетняя кропотливая историографическая работа, как бы взгляд со стороны на русскую мысль развили в нём редкую глубину и остроту исследовательского взгляда. Русская философия обрела в лице Михаила Александровича своего проводника и картографа, он смог выразить и дать почувствовать другим её «разноликость и единство». Постепенно он стал одним из главных историков русской философии, а кафедра истории русской философии МГУ, которой Михаил Александрович руководил с 1992 г., – передовым центром исследования русской мысли. Но это всё, как я понимаю, был непростой путь, полный самоотречения и смирения.

Отцовское благословение непременно действовало в трудные времена, не давая Михаилу Александровичу свернуть с пути: он рассказывал, как было тяжело в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда приходилось преподавать во многих вузах, в день буквально обегая по несколько мест, а параллельно по ночам писать докторскую диссертацию. Вспоминал, как, спускаясь в метро, он сравнивал свою зарплату с зарплатой машиниста электропоезда и подбадривал себя тем, что получает не сильно меньше. А ведь у него подрастало два сына. Рассказывая про эти сложные времена, он всегда с большой любовью и признательностью вспоминал самоотверженное служение своей супруги Ольги, которая, взяв на себя попечения о доме и детях, всячески поддерживала Михаила Александровича на его научном и творческом пути. А в последний год жизни Михаила Александровича она неизменно сопровождала его в поездках на кафедру и на лекции. Такая жена ведь тоже настоящее благословение!

---

[1] *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображённого Эроса. М., 1994. С. 154.

Михаил Александрович часто повторял, что он «заложник коллективных проектов», но повторял это с юмором и радостной гордостью за эти издания, за то, как русская философия обретала в них свою многоголосую полноту. С его ключевым участием вышла не одна антология русской мысли, множество коллективных монографий, учебник «История русской философии» и, конечно, знаменитая – «Русская философия. Энциклопедия», переведённая на несколько европейских языков. И во всём этом он – сердце, душа, локомотив, один из ключевых авторов, а вместе с тем и чернорабочий, ведь сколько редакторской работы! Такой был человек, которому не главное – выделиться, сказать своё слово, но главное было, чтобы русская философия с его помощью проговаривала себя.

И лекции Михаил Александрович читал так, чтобы оставить как можно больше простора герою рассказа, самому философу: приводил много цитат не только из произведений, но и из эпистолярного наследия автора. (Михаил Александрович вообще любил письма, любил ту точность изложения, которую подразумевает и требует обозримое пространство бумажного листа, сетовал, что люди перестали писать друг другу бумажные письма.) Лекции Михаил Александрович читал мастерски, вовлекая даже студентов непрофильных специальностей в пространство русской мысли. Так, большие поточные аудитории он собирал, например, на психфаке МГУ, куда я, уже учась в аспирантуре, приходила его послушать. Он умел говорить с самыми разными аудиториями, и это всегда был захватывающий рассказ о разнообразных представителях отечественной мысли: от русских народников, Чернышевского и Герцена до космистов, Бердяева, евразийцев и Бахтина.

У Михаила Александровича всегда было много идей, проектов, он всегда работал над каким-то новым материалом для курсов и статей. Его перу принадлежат блестящие по мысли и стилю работы. Он действительно мог сделать много своего, авторского, не будь постоянно нужен чему-то большему или кому-то. Под последними я в первую очередь подразумеваю его учеников, аспирантов, в число которых посчастливилось войти и мне. Сколько времени он на нас тратил – одному Богу известно, но он явно не жалел этого времени. Он сеял и ждал, не торопил, не требовал. В моем случае именно его мудрое и чуткое руководство помогло мне обрести свой путь и любимую работу историка философии. В моей электронной почте хранится следующее послание Михаилу Александровичу декабря 2015 г.: «Михаил Александрович, здравствуйте! Держу Вас в курсе: я уволилась, чтобы закончить диссертацию, т.к. поняла, наконец, что совмещать работу и учёбу решительно невозможно. Занимаюсь в библиотеке им. Ленина третью неделю. Я недовольна первым вариантом диссертации, поэтому многое переделываю. Знаю, что нужно поторапливаться и очень сильно. Сейчас я на середине второй главы. Всего три будет. Две первые главы до нового года стараюсь на Ваш суд отправить. Затем займусь статьёй, а после – третьей главой. С уважением, Оля». А вот его ответ: «Оля, здравствуй! Со своей стороны, я могу только радоваться, что ты проявила характер и сосредоточилась на диссертации. С самого начала я верил в тебя и в тему. То, чего тебе не хватало (это относится не только к тебе, но и ко всем, подчёркиваю, ко всем, пишущим сегодня дисс.), так это владения пером. Это как научиться плавать, пока сама не поплывёшь… Успеха, помогу любым советом. М.А.» Засим следовала интенсивная работа и переписка, и я «поплыла» благодаря Михаилу Александровичу. Его многочисленные «пометы» в тексте рукописи моей диссертации: «сказать точнее», «а что думает сам автор?» и др. – учили точнее выражать свою мысль, быть историком русской философии. Когда в конце 2016 г. я защитила свою работу, на все мои благодарности Михаил Александрович просто ответил: «Ты всё сделала сама, воспользовавшись моими советами». Такое вот недосягаемое благородство.

От Соединённых Штатов до Сербии, от Англии до Китая имя Михаила Александровича стало синонимом русской философии. Русская мысль прошла с ним

свой путь и идёт дальше, но после Михаила Александровича уже нельзя идти узкими частными дробными тропками, но только царским путём «разноликости и единства» и только путём любви и благородства. Вечная память!

Ольга Кусенко

* * *

Моё знакомство с Михаилом Александровичем состоялось на заседании кафедры истории русской философии в мае – июне 2014 г., когда я ему сразу попал на «поруки» с горящими от открытия для себя древнерусской темы глазами. Жизнь показала, что лучшего научного руководителя в моей ситуации и при отсутствии специалистов по теме на кафедре быть не могло: Маслин обладал нужными и давними знакомствами – именно он сосватал меня В.В. Милькову. И хотя в какой-то момент мы рассматривали вариант с официальным назначением последнего моим руководителем, всё же было решено не ломать себе голову о формальные административные перегородки – где Мильков мог и где успел, он выступал официальным рецензентом или оппонентом. Так, в моей жизни на десять лет появилось два учителя, неразрывно связанных в моём сознании, – один учил меня премудростям жизни в научном социуме, а другой учил меня навыкам ремесла работы с древнерусскими текстами. Они оба были при этом как два различных полюса: один, Мильков, прямой и решительный, не жалевший и хорошего и дерзкого «подкола» в комментариях при редактуре моих «детских текстов», а другой, Маслин, добрый и необычно терпимый и тактичный человек. И если Мильков периодически напоминал в своих суждениях и наставлениях древнерусского игумена, пользовавшегося своим, в данном случае моральным и словесным, жезлом по тому суровому назначению, которое было предписано в «Уставе» Иосифа Волоцкого, то Маслин был моим ангелом-хранителем, который создал невероятно комфортные условия для работы и защищал меня под своим крылом. Но эта забота не кончалась Университетом – зная, что молодому учёному всё-таки нужен хлеб, он его давал, насколько это можно было: в моём случае он как-то раз попросил помочь с грантом по философии иконописи. Удивительно, но я постарался поработать над явно «отстрельными» статьями добротно – за те статьи мне не стыдно до сих пор, и в них имелась научная новизна; мне было не стыдно получить за них «хлеб», который в руках почти магистра и начинающего аспиранта был очень неплохим. И этот приятный хлеб, и удовольствие от работы – следствие дружеской просьбы и честного (всё было действительно по-джентльменски!) отношения ко мне без пренебрежения со стороны Михаила Александровича, который взял на себя заботы по вычитке и пристраиванию текстов.

И Мильков, и Маслин настояли на том, чтобы я увенчал свою учёбу диссертацией на древнерусскую тему, так уж вышло, о протопопе Аввакуме, в тот момент, когда я чуть было не «откололся» в позднеантичную философию. «Закончи сначала это, а потом хоть на кафедре истории русской философии занимайся чем угодно», – так примерно звенит до сих пор в ушах.

В моих глазах Маслин не был идеальным лектором, но зато он был идеальным, увлекающим собеседником с широким кругозором и мнением, которое он не сдавал перед противоположной позицией и мягко, ненавязчиво отстаивал. Это редкое сочетание качеств отмечалось и другими людьми, с которыми доводилось говорить о Михаиле Александровиче. Из наших бесед мне особенно запомнился наш долгий спор, тянувшийся из года в год, о том, какая «русская философия» должна быть в приоритете. Я уже давно испытывал скепсис относительно сложившейся историографии и «канона» русской философии, и Маслин признавал, что он нуждается

в существенной коррекции и выступал за открытие и раскрытие свету новых лиц. В этой связи он всячески поощрял архивную работу, сам любил рассказывать о своих находках молодости: он с некоторой гордостью вспоминал, как смог найти и опубликовать во время работы в США неизвестное дотоле письмо Ленина. Однако он не был согласен с моим предпочтением той части русской философии, что воплощает в себе её рациональное, аргументативное лицо, и я долго не мог понять по своей юношеской дерзости отчего. Но однажды он мне сказал, что просто иначе понимает природу философии: для него философия – это прежде всего искусство. Он понимал её широко, как некую форму человеческой жизни в стиле девятнадцатого столетия, и красота философского текста, художественность были для него важны, что он демонстрировал в своих рассуждениях о любимых русских философах. Это, однако, не означало для него фиксации на какой-то единственной правильной русской философии. Любопытно, что, постоянно памятуя и воздавая хвалу любимому Розанову, он с неизменностью подчёркивал и часто вместе с тем выступал против обесценивания левой мысли в России и сетовал на малочисленность современных исследований по русскому марксизму и советской философии. По тем же основаниям он поддерживал и мою работу в древлехранилищах – хотел, чтобы русская философия наполнялась новыми лицами, была красивее и пестрее, чем прежде, и я, наверное, оправдывал его ожидания, рассказывая коллегам о допотопных русских дядьках.

Обсуждая жизнь, жизнь Института, Университета, я обнаружил в нём и удивительную разборчивость, чуткость в людях, но там, где он ошибался – честно мог признать ошибку и свою ответственность. Такое качество – всегда на вес золота.

Дружелюбность, чуткость, доброта, внимательность, искренняя заинтересованность в жизни и делах своих учеников, понимание границ своих сил – всё это сплелось в его светлом образе. Верую, что Господь взвесил сердце Михаила Александровича по доброте его.

Была ещё одна черта у Маслина, которая мне всегда нравилась и с годами ценимая больше и больше - это что-то вроде любви к байкам. Когда я уже работал в Институте философии мы с Михаилом Александровичем созванивались или при встречах могли с доброй иронией обсудить новости сообщества. Именно от него я узнал ряд комичных и эксклюзивных историй. За свою жизнь он точно накопил хорошую коллекцию неполживого академического фольклора и его частичку я забрал себе.

Михаил Шпаковский

Список литературы

Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображённого Эроса. М.: Республика, 1994. С. 154–322.

Remembering Professor M.A. Maslin

Alexandra I. Vakulinskaya – Candidate of Sciences in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Nikolai I. Gerasimov – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; e-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Olga I. Kusenko – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; e-mail: isafi137@gmail.com

Mikhail V. Shpakovsky – Candidate of Sciences in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia; e-mail: shpakomih@mail.ru

This collection of memoirs about Mikhail Aleksandrovich Maslin (1947–2025), Head of the Department of the History of Russian Philosophy at the Philosophy Faculty of Moscow State University. Professor, Doctor of Philosophy, is comprised of alumni of the department, currently research fellows at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences: A.I. Vakulinskaya, N.I. Gerasimov, O.I. Kusenko, and M.V. Shpakovsky. Mikhail Aleksandrovich's students reminisce about the beginning of their academic careers under the sensitive and skillful guidance of M.A. Maslin, their first encounter with their teacher and guide into the world of Russian Philosophy. They share memorable moments and events associated with Professor Maslin, note the role their academic mentor played in their academic destinies and careers, and evaluate his contribution to the study of Russian thought. All the authors note Mikhail Aleksandrovich's personal and professional qualities – sensitivity and attentiveness, tolerance and tact, experience and erudition, and kindness. They agree that for M.A. Maslin, Russian philosophy was fundamentally "diverse", representing "unity in diversity" and encompassing religious philosophy, populism, positivism, Marxism, and anarchism. Therefore, the range of topics explored in the Department of the History of Russian Philosophy was quite broad. Under his guidance, it was possible to study and write about everything, and his graduate students were able to defend their dissertations on a wide variety of topics – including the works of I.A. Ilyin, P.A. Kropotkin, Italian historiography of Russian philosophy, Old Russian thought, and others.

Keywords: M.A. Maslin, history of Russian philosophy, historiography of Russian philosophy, "the diversity and unity of Russian philosophy", faculty of philosophy, Moscow State University

For citation: Vakulinskaya, A.I., Gerasimov, N.I., Kusenko, O.I., Shpakovsky, M.V. Vspominaya professora M.A. Maslina [Remembering Professor M.A. Maslin], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2026, Vol. 4, No. 2, pp. 72–84. (In Russian)

References

Vysheslavtsev, B.P. Vechnoe v russkoi filosofii [Eternal in Russian Philosophy], in: Vysheslavtsev B.P. *Etika preobrazhennogo Erosa* [Ethics of Transformed Eros]. Moscow: Republic, 1994, pp. 154–322. (In Russian)